

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
7 September 2017
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 747/2016* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Х.И.
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Швейцария
<i>Дата представления жалобы:</i>	4 мая 2016 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия решения:</i>	9 августа 2017 года
<i>Тема сообщения:</i>	экстрадиция в Турцию
<i>Вопросы существа:</i>	пытки; недопустимость принудительного возвращения
<i>Процедурный вопрос:</i>	не имеется
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителем является Х.И. – гражданин Турции, этнический курд, последователь Армянской апостольской церкви, 1967 года рождения, содержащийся в настоящее время под стражей в Бургдорфе (Берн, Швейцария) в ожидании экстрадиции в Турцию. Он приобрел статус постоянного жителя в Швейцарии, но в 2011 году в Турции в отношении него была начата процедура экстрадиции. В 2015 году швейцарские власти приняли решение о его экстрадиции на основании дипломатических заверений, предоставленных Турцией. 3 мая 2016 года апелляция заявителя на постановление об экстрадиции была отклонена Федеральным верховным судом.

1.2 В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции Комитет довел данное сообщение до сведения государства-участника 6 мая 2016 года. Одновременно с этим в порядке применения пункта 1 правила 114 своих правил процедуры Комитет просил государство-участник не экстрадировать заявителя в Турцию, пока его заявление находится на рассмотрении Комитета.

1.3 9 мая 2016 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что оно приняло необходимые меры для приостановления процедуры экстради-

* Принято Комитетом на его шестьдесят первой сессии (24 июля – 11 августа 2017 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Алессио Бруни, Фелис Гаер, Йенс Модвиг, Ана Раку, Себастьян Тузе, Абдельвахаб Хани, Кенин Чжан и Клод Эллер-Руассан.

ции заявителя до тех пор, пока Комитет не вынесет решение по существу дела или об отмене временных мер.

Факты в изложении заявителя

2.1 Расширенная семья заявителя вовлечена в борьбу курдов в Турции на протяжении жизни целого поколения. Его отец был бойцом Рабочей партии Курдистана (РПК) первого поколения и был убит в бою между РПК и деревенскими охранниками. Заявитель поддерживал РПК и в этой связи был несколько раз задержан и подвергнут пыткам.

2.2 В неуказанную дату заявителю и его брату-близнецу С.И. было предъявлено обвинение в убийстве деревенского охранника в 1988 году, совершенном как месть за гибель их отца. Заявитель отрицал причастность к убийству, утверждая, что обвинения против него были сфабрикованы по политическим мотивам и из-за истории его семьи. Во время досудебного содержания под стражей полицейские в течение восьми дней подвергали его пыткам, в частности *фалака* (нанесение ударов по ступням), прижиганию сигаретами, избивениям и электрошоку. Он не мог ни лежать, ни ходить все эти восемь дней, мочился кровью в течение нескольких дней после этого, и до сих пор его запястья покрыты шрамами. 23 октября 1989 года второй суд присяжных в Газиантепе вынесен ему смертный приговор по обвинению в убийстве, который впоследствии был заменен на пожизненное заключение. Приговор основывался главным образом на показаниях его брата М.И., которые были получены под пыткой. Впоследствии М.И. и два других свидетеля отказались от своих показаний против заявителя. Заявитель не стал оспаривать этот приговор, поскольку он не мог найти компетентного адвоката. В неуказанную дату ему удалось бежать из тюрьмы с помощью С.И., который остался в тюрьме вместо него.

2.3 В 1992 году заявитель обратился в Швейцарии с ходатайством о предоставлении убежища на основании пыток и связанного с ними посттравматического стрессового расстройства, которое впервые было диагностировано в 1994 году¹. 26 августа 1994 года Швейцарское федеральное управление по делам беженцев (далее – Управление) отклонило его ходатайство о предоставлении убежища. 5 января 1995 года швейцарская Комиссия по обжалованию решений в области убежища (далее – Комиссия) отклонила его апелляцию. В связи с его ходатайством о пересмотре дела, поданным 10 мая 1995 года, Управление предоставило ему 17 сентября 1996 года дополнительную защиту и разрешение на временное пребывание в Швейцарии. Управление пришло к выводу о том, что заявителю будет угрожать реальная опасность нарушения статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека) в случае его возвращения в Турцию. Заявитель также утверждает, что, как установило Управление, в Турции он поставлен на учет как политически неблагонадежный и ему дана характеристика «неудобной и своенравной личности» и что турецкие власти следили за его политической деятельностью. 19 сентября 2002 года Комиссия подтвердила свое решение по апелляции.

2.4 Тем временем в 1995 году брат заявителя С.И. был освобожден из тюрьмы и бежал из Турции. 16 августа 1996 года С.И. получил статус беженца в Швейцарии. В своем ходатайстве о предоставлении убежища он заявил, что он подвергался пыткам в сентябре–октябре 1994 года, после того как был арестован полицией. Заявитель утверждает, что в ходатайстве о предоставлении убежища, поданном его братом, содержатся записи о возбуждении против него в соответствии с турецким законодательством о борьбе с терроризмом судебного

¹ Этот диагноз подтверждался несколько раз. В заключении от 30 июля 2014 года, в числе восьми медицинских заключений, составленных в период с 2012 по 2014 год и приобщенных к делу на немецком языке, указывается, что посттравматическое стрессовое расстройство непосредственно связано с пытками, которым заявитель подвергался во время содержания под стражей в период 1988–1990 годов.

дела, в котором заявитель упоминается в качестве члена РПК. Это подтверждает тот факт, что заявитель поставлен в Турции на учет как политически неблагонадежный, как это было признано швейцарскими властями.

2.5 В 2010 году заявителю был предоставлен в Швейцарии вид на жительство категории «В». Поскольку он с 1999 года не мог работать на полную ставку из-за несчастного случая на производстве и последующей частичной нетрудоспособности, он оживил свой интерес к движению РПК. Он работал водителем, обслуживавшим лидеров РПК, возил их на большие расстояния по всей Европе, давал пристанище членам РПК, посещавшим Швейцарию, участвовал в ряде мероприятий, связанных с РПК, давал интервью и привлекал средства для курдских благотворительных организаций. Он посетил одного администратора РПК, который находился под домашним арестом в Германии и за которым осуществляли наблюдение власти Германии и Турции. Он принимал у себя в Швейцарии одного лидера РПК из Сирийской Арабской Республики и двоюродного брата турецкого лидера РПК Абдуллы Оджалана. Швейцарские власти никогда не оспаривали политическую деятельность заявителя в Швейцарии.

2.6 15 августа 2011 года главный прокурор Газиантепа издал запрос об экстрадиции заявителя, осужденного на пожизненное заключение по обвинению в убийстве. 5 октября посольство Турции в Берне передало запрос об экстрадиции в Федеральный департамент юстиции. После трех запросов, оставшихся без ответа, турецкие власти предоставили 22 марта 2012 года Управлению дипломатические заверения. Тем временем, по словам заявителя, турецкие власти поменяли политическое информационное досье заявителя на обычное информационное досье².

2.7 7 июня 2012 года Федеральный департамент юстиции выдал ордер на арест, на основании которого заявитель был арестован 21 июня. Он был впоследствии освобожден под залог из-за его тяжелого психического состояния.

2.8 6 июля 2012 года заявитель оспорил запрос об экстрадиции в Федеральный уголовный суд на том основании, что турецкие власти добиваются его экстрадиции за политическое преступление и это обстоятельство делает запрос об экстрадиции недействительным.

2.9 6 августа 2012 года заявитель подал ходатайство о предоставлении ему убежища. 29 января 2014 года Федеральное управление по делам беженцев предоставило заявителю разрешение на временное пребывание. Оно пришло к выводу о том, что он соответствует критериям защиты беженцев, установленным в статье 1 А Конвенции о статусе беженцев, но подпадает под исключение, предусмотренное в ее статье 1 F b), так как совершил убийство. Оно также отметило, что заявителю будет угрожать реальная опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию в случае его возвращения в Турцию, и на этом основании распорядилось о его временном пребывании. 19 февраля 2014 года Управление внесло изменения в свое решение, чтобы отразить тот факт, что заявитель имел статус резидента в Швейцарии.

2.10 18 июля 2014 года Федеральный департамент юстиции разрешил экстрадицию заявителя в ожидании принятия Федеральным уголовным судом решения о том, имеет ли экстрадиция политические основания. 6 августа заявитель оспорил решение об экстрадиции в Суде.

2.11 7 мая 2015 года Федеральный уголовный суд отклонил жалобы заявителя от 6 июля 2012 года и 6 августа 2014 года. Суд подчеркнул, что заявитель не был признан политическим беженцем. Он счел, что утверждение заявителя о

² Если в обычном информационном досье содержится информация о судимости человека и обвинениях, предъявленных в соответствии с общим правом, то политическое информационное досье, в котором человек характеризуется как неудобный и своенравный, заводится в случае, когда этот человек подозревается в антиправительственной деятельности.

том, что он был осужден на основании доказательств, полученных в результате применения пыток, не заслуживает доверия. В случае возвращения в Турцию заявитель должен будет отбывать наказание, и поэтому «прогноз относительно преследования после окончательного освобождения невозможен». Суд также отметил, что причины, по которым он был охарактеризован как «неудобная личность», остаются неясными и что поэтому страх заявителя перед преследованием остается необоснованным. В случае заявителя, даже если существует политический компонент, Суд определил, что экстрадиция не является заведомо неприемлемой. Заявитель добавляет, что широко распространенная практика пыток в Турции во время его ареста в 1988 году является неоспоримым фактом. 15 мая он был помещен под экстрадиционный арест. 22 мая он подал апелляцию. 12 августа Федеральный верховный суд заявил, что должны быть веские причины для обоснования экстрадиции после того, как власти, занимающиеся вопросами предоставления убежища, установили, что существует опасность применения пыток, и что эти причины не были установлены. Таким образом, Суд частично отменил решение от 7 мая 2015 года и вернул дело в Федеральный департамент юстиции для повторного рассмотрения и дальнейшего расследования.

2.12 После принятия Федеральным уголовным судом решения от 7 мая 2015 года заявитель был помещен в психиатрическую клинику в Цюрихе, поскольку состояние его здоровья ухудшилось. Находясь в клинике, он попытался совершить самоубийство. К нему применялся особый режим, предусмотренный для содержащихся под стражей лиц, склонных к самоубийству, вплоть до 6 июля, когда он был переведен в специализированную тюрьму в Бургдорфе, специально оборудованную для лиц, подверженных риску самоубийства. Несколько раз после этого он помещался в психиатрическую клинику в Берне, так как ему грозила опасность самоубийства. Врачи сообщили адвокату о том, что заявитель был осмотрен в клинике в соответствии со Стамбульским протоколом для определения того, был ли он жертвой пыток; однако результаты осмотра так и не были предоставлены заявителю или его адвокату.

2.13 17 сентября 2015 года Федеральный департамент юстиции представил результаты своего дальнейшего расследования. В частности, турецкие власти пояснили, что в отношении заявителя не заведено «политического информационного досье», и препроводили решение второго суда присяжных Газиантепа от 22 июня 2015 года, сохраняя тем самым в силе запрос об экстрадиции. Посольство Швейцарии в Анкаре заявило, что не будет никакого риска применения пыток в отношении заявителя в Турции, даже если в турецких тюрьмах сохраняются проблемы в области безопасности в связи с войной против повстанцев РПК, которая ведется с июля 2015 года; однако, поскольку заявитель не имеет никакого отношения к этому конфликту, ему не будет угрожать личная опасность применения пыток. 5 октября заявитель представила комментарии относительно выводов Управления. Он утверждает, что посольство Швейцарии не в полной мере знакомо с его делом и проигнорировало его политический аспект, в частности его участие в деятельности РПК.

2.14 13 октября 2015 года Федеральный департамент юстиции разрешил экстрадицию заявителя в Турцию. Автор подал апелляцию 13 ноября. 16 марта 2016 года его апелляция была отклонена Федеральным уголовным судом. Что касается угрозы применения пыток, то Суд вынес заключение о том, что, поскольку в процессе экстрадиции можно запросить гарантии и механизмы контроля, органы власти, занимающиеся вопросами экстрадиции, могут прийти к иному заключению по сравнению с органами власти, занимающимися вопросами предоставления убежища. Отклонение апелляции спровоцировало еще одну попытку самоубийства, предпринятую заявителем 5 апреля. Его последующие ходатайства об освобождении из-под экстрадиционного ареста были отклонены из-за высокой опасности того, что он скроется.

2.15 29 марта 2016 года заявитель обжаловал решение Федерального департамента юстиции от 13 октября 2015 года в Федеральный верховный суд. В част-

ности, он заявил, что в марте 2016 года его двоюродный брат со стороны отца Э.И. был обвинен в создании незаконной группы и руководстве ею, а также в поддержке вооруженных сил РПК. Вместе с винтовкой в его доме и на его странице в Facebook были обнаружены материалы политической пропаганды, в том числе фотографии высокопоставленных членов РПК. Заявитель передал материалы, имеющие отношение к этому расследованию, в Суд.

2.16 28 апреля 2016 года Федеральный верховный суд отклонил его апелляцию. Суд пришел к выводу о том, что в свете дополнительного расследования, проведенного властями, нет никаких оснований полагать, что заявителю может угрожать применение пыток, поскольку он будет заключен в тюрьму для отбывания наказания за преступление неполитического характера и даны гарантии применения к нему надлежащего обращения. Как следствие, это дело уже не представляет собой дело «исключительной важности» и поэтому выходит за рамки его компетенции.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что его экстрадиция в Турцию станет нарушением его прав, закрепленных в статье 3 Конвенции, поскольку он подвергнется риску применения пыток со стороны турецких властей.

3.2 Ссылаясь на правовую практику Комитета, Европейскую конвенцию о правах человека и международные доклады, заявитель утверждает, что силы безопасности и полиция Турции все чаще применяют пытки и жестокое обращение, конкретно направленные против лиц, подозреваемых в терроризме, курдов, алевийцев и активистов из числа этих меньшинств, а также заключенных с целью получения признательных показаний или информации о политической деятельности³. Кроме того, заявителю угрожает личная опасность подвергнуться пыткам, если он будет экстрадирован в Турцию, в силу следующих причин.

3.3 Во-первых, заявитель подвергался пыткам в прошлом, был задержан на основании несправедливого судебного разбирательства и его осуждение было политически мотивированным. Несмотря на то, что в ходе процедуры экстрадиции швейцарские власти отказались принять его утверждение о применении пыток на том основании, что оно не заслуживает доверия, международные доклады свидетельствуют о том, что пытки, особенно фалака и электрошок, систематически применялись в Турции с 1988 по 1990 год, когда он содержался под стражей⁴. Этот вывод также подтверждается практикой Комитета⁵ и не оспаривался швейцарскими властями в ходе процедуры экстрадиции. В заключениях психиатра указывается, что посттравматическое стрессовое расстройство заявителя напрямую связано с пытками, которым он подвергался во время

³ См. сообщение № 373/2009, *Айтулун и Гюджлю против Швеции*, решение от 19 ноября 2010 года, пункт 6.6; и сообщение № 349/2008, *Айтулун и Гюджлю против Швеции*, решение от 11 ноября 2010 года, пункт 6.6; судебная практика Европейского суда по правам человека в *Üzer c. Turkey* (жалоба № 9203/03), решение от 21 сентября 2010 года; *Süleyman Demir and Hasan Demir v. Turkey* (жалоба № 19222/09), решение от 24 марта 2015 года; *Ateşoğlu v. Turkey* (жалоба № 53645/10), решение от 20 января 2015 года; *Cüneyt Polat c. Turkey* (жалоба № 32211/07), решение от 13 ноября 2014 года; и *Aktürk v. Turkey* (жалоба № 70945/10), решение от 13 ноября 2014 года; Совет по делам иммиграции и беженцев Канады, “Turkey: frequency of torture used by authorities, particularly on Kurdish and Alevis protesters and activists, including instances when torture is used on temporary detainees (2012-August 2013)”, 16 августа 2013 года; Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Report to the Turkish Government on the visit to Turkey (CPT/Inf(2015)6), который был опубликован, но впоследствии отозван.

⁴ Организация «Хьюман райтс уотч», *World Report 1990*; и доклад Комитета против пыток, содержащий краткий отчет о результатах деятельности по расследованию в отношении Турции (A/48/44/Add.1).

⁵ См. сообщение № 21/1995, *Алан против Швейцарии*, Соображения, принятые 8 мая 1996 года, пункт 11.5.

содержания под стражей. Заявитель утверждает, что его брату С.И. было предоставлено убежище в Швейцарии на том основании, что он подвергался пыткам во время содержания под стражей по тому же обвинению в убийстве, что и заявитель. С.И. описал органам власти Швейцарии по вопросам предоставления убежища как заявитель, М.И. и он сам подвергались пыткам во время содержания под стражей. Поскольку в своем ходатайстве о предоставлении убежища заявитель предоставил идентичное описание, швейцарские власти также должны были учесть его описание пыток заслуживающим доверия. Кроме того, что касается С.И., то швейцарские власти косвенно признали, что М.И. с помощью пыток принудили к даче показаний против заявителя. Из этого следует, что уголовное судопроизводство против заявителя было небезупречным и несправедливым.

3.4 Во-вторых, заявитель находится в особо уязвимом положении из-за серьезного заболевания, включая посттравматическое стрессовое расстройство, несколько попыток самоубийства в ходе процедуры экстрадиции и частичную нетрудоспособность. Согласно заключению психиатра от 30 июля 2014 года, ему необходимо продолжать лечение в Швейцарии. Согласно заключению психиатра от 10 июня 2015 года, его высылка почти наверняка приведет к повторному психологическому травмированию; его явный страх и физическая напряженность в связи с задержанием и возможным жестоким обращением в Турции видны и ощутимы.

3.5 В-третьих, заявитель указывает на противоречия в выводах швейцарских органов по вопросам предоставления убежища и по вопросам экстрадиции. Национальные суды проигнорировали оценку Федерального управления по делам беженцев, согласно которой он столкнется с реальной угрозой применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в случае возвращения в Турцию только потому, что ему грозит экстрадиция, а не высылка. Федеральный уголовный суд постановил, что органы по вопросам экстрадиции не связаны определением, вынесенным органами, занимающимися вопросами предоставления убежища. Кроме того, национальные суды не уделили должного внимания тому факту, что недавно было возбуждено уголовное дело в отношении двух его родственников в связи с их участием в деятельности РПК.

3.6 В-четвертых, заявитель, будучи этническим курдом, принадлежит семье, все члены которой поддерживают РПК. Его отец умер из-за своей политической принадлежности к РПК, и его брат С.И. был привлечен к ответственности за поддержку РПК. В материалах этого дела заявитель упоминается в качестве сторонника РПК. Кроме того, родственники заявителя⁶ были допрошены в аэропорту при посещении Турции.

3.7 В-пятых, заявитель разыскивается турецкими властями по политическим мотивам. Тот факт, что турецкие власти обратились с просьбой о его экстрадиции в 2011 году, хотя им было известно о том, что он проживал в Швейцарии начиная с 1992 года, свидетельствует о том, что их интересуют его связи с ведущими членами РПК в Швейцарии и в других странах Европы. На это также указывает замена его политического информационного досье обычным информационным досье в ходе процедуры экстрадиции. В материалах уголовного дела против С.И. заявитель упоминается как член РПК, на основании чего заявитель охарактеризован в информационном досье как «неудобная личность».

3.8 Наконец, заявитель представляет особый интерес для турецких властей в силу его политической принадлежности к отделениям РПК в Швейцарии и других странах Европы и его тесных контактов с видными лидерами РПК благодаря его работе в качестве водителя. Политическая деятельность заявителя в Швейцарии отражена в решении Федерального уголовного суда от 7 мая 2015 года, которое доступно для широкой общественности, и в швейцарской печати. Турецкие власти отслеживают деятельность РПК за рубежом. Она счи-

⁶ Не указаны.

тается террористической организацией в Турции и в Европейском союзе. Согласно турецким законам о борьбе с терроризмом, участие в РПК является отягчающим обстоятельством, которое удваивает наказание в уголовном судопроизводстве.

3.9 Заявитель далее утверждает, ссылаясь на правовую практику Комитета, что дипломатические заверения, предоставленные Турцией, недостаточны и ненадежны, чтобы можно было исключить опасность того, что он подвергнется пыткам по возвращении в страну⁷. Кроме того, Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания подчеркнул, что в делах, связанных с экстрадицией, стороне, осуществляющей экстрадицию не следует полагаться на дипломатические заверения стран, в которых существует постоянная практика нарушений прав человека или систематическая практика применения пыток и что при отсутствии такой практики использование заверений следует разрешать только в тех случаях, когда они являются недвусмысленными и когда существует эффективная система мониторинга⁸. Вместе с тем механизмы мониторинга после возвращения мало что дают для снижения опасности применения пыток и показали себя неэффективными как в плане защиты от пыток, так и в качестве механизма подотчетности⁹. В случае заявителя следующие факторы свидетельствуют о неэффективности дипломатических заверений: они были предоставлены только после трех безуспешных запросов со стороны швейцарских властей, что демонстрирует нежелание Турции соблюдать их; швейцарские власти не отрицали наличие угрозы преследований после освобождения заявителя; швейцарскими властями, занимающимися вопросами убежища, было установлено, что существует реальный риск применения пыток в отношении заявителя в Турции; неудовлетворительное положение в области прав человека в Турции, в частности случаи применения пыток во время содержания под стражей и их неэффективное расследование¹⁰; и трудности, связанные с контролем за осуществлением заверений. Заявитель утверждает, что в силу его связи с высокопоставленными членами РПК существует опасность того, что он будет задержан и подвергнут пыткам сотрудниками секретных служб до его передачи тюремным властям. Кроме того, тот факт, что он совершил побег из тюрьмы в Турции, повысит риск применения пыток. Статья 3 Конвенции устанавливает абсолютный запрет на экстрадицию, в частности лиц, имеющих связи с политическими партиями, которые считаются террористическими организациями, такими как РПК, если есть основания полагать, как в его случае, что экстрадиция приведет к пыткам¹¹.

Замечания государства-участника по существу сообщения

4.1 14 ноября 2016 года государство-участник представило свои замечания по существу и вновь напомнило о фактах данного дела.

4.2 Государство-участник напоминает, что, согласно статье 3 Конвенции, государствам-участникам запрещается высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Ссылаясь на критерии, установленные Комитетом в его замечании общего порядка № 1 (1997) об осуществлении статьи 3, согласно которым заявитель должен доказать существование серьезной и реальной опасности применения пыток, угрожающей лично

⁷ См. сообщения № 233/2003, *Агиза против Швеции*, решение, принятое 20 мая 2015 года, пункты 13.4–13.5; и 281/2005, *Пелит против Азербайджана*, решение, принятое 1 мая 2007 года, пункт 11.

⁸ См. A/59/324, пункт 35.

⁹ См. A/60/316, пункт 46.

¹⁰ Amnesty International, *Annual Report 2015/2016: The State of the World's Human Rights*, 23 February 2016.

¹¹ Приводится ссылка на сообщение № 63/1997, *Аркауз Арана против Франции*, решение, принятое 9 ноября 1999 года, пункт 11.5.

ему в случае его высылки в страну происхождения, государство-участник напоминает, что при оценке такого риска должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений, и что, кроме того, должны быть приведены факты, указывающие на серьезный характер риска.

4.3 Государство-участник признает, что положение в области прав человека в Турции вызывает тревогу, особенно в юго-восточной части страны, из-за столкновений между правительством и РПК. Однако такая ситуация не является достаточным основанием для определения риска того, что заявитель подвергнется пыткам по возвращении¹². Государство-участник утверждает, что заявитель не смог доказать, что ему угрожает личная, реальная и серьезная опасность подвергнуться пыткам в случае экстрадиции в Турцию. Оно добавляет, что власти государства-участника получили от Турции дипломатические заверения в этой связи.

4.4 Во-первых, заявитель не доказал, что он подвергался пыткам в прошлом. Даже если пытки в прошлом и были широко распространенной проблемой в Турции, они не применялись систематически и в отношении всех преступлений. Государство-участник ссылается на оценку Федерального уголовного суда от 7 мая 2015 года. В частности, согласно решению об осуждении заявителя, в медицинских картах не было указано о наличии следов пыток на теле заявителя или его двух обвиняемых. Учитывая, что заявитель был представлен несколькими wybranными им самим адвокатами, маловероятно, что он не позаботился бы о медицинской регистрации следов применения к нему пыток. Кроме того, он никогда не заявлял, что он подвергался пыткам во время отбывания срока тюремного заключения. Маловероятно, что С.И. согласился бы остаться в тюрьме вместо заявителя, если бы его пытали после ареста, как утверждает заявитель. Заключение швейцарских психиатров о причинно-следственной связи между пытками заявителя в прошлом и его нынешним состоянием здоровья основаны на его собственных рассказах о том, что произошло, и поэтому, по мнению швейцарских властей, не заслуживают доверия.

4.5 Во-вторых, государство-участник считает, что заявитель не смог обосновать утверждения о риске применения пыток в результате своей политической деятельности в Турции, Швейцарии или других европейских странах. Швейцарские власти, занимающиеся вопросами предоставления убежища, обнаружили противоречия в его рассказе о его политической деятельности в Турции. В ходе рассмотрения первого ходатайства о предоставлении убежища он заявил, что он и его семья оказывали продовольственную и финансовую поддержку партизанам. Он также утверждал, что несколько раз подвергался аресту в связи с его поддержкой РПК – в 1976, 1978, 1985 и 1986 годах. Власти, занимающиеся вопросами предоставления убежища, пришли к выводу о том, что его рассказ недостаточно подробен; в частности, он не смог уточнить, когда и сколько раз его арестовывали. Они также пришли к выводу о том, что он не сталкивался с какими-либо трудностями в том, что касается турецких властей. В своем заявлении о повторном рассмотрении от 10 мая 1995 года заявитель сообщил, что Суд по делам безопасности города Малатья возбудил против его брата С.И. уголовное дело за хранение пропагандистских материалов РПК и что его брат подтвердил получение этих материалов от заявителя. Хотя расследования, проведенные посольством Швейцарии в Турции, показали, что С.И. действительно обвинялся в поддержке бойцов РПК Судом по делам безопасности и был оправдан 19 января 1995 года, против заявителя не начато никаких процессуальных действий. С.И. был лишен свободы за то, что он помог заявителю бежать из тюрьмы, и был освобожден в 1991 году. Заявитель не сообщал властям, занимающимся вопросами предоставления убежища, что он передал С.И. пропагандистские материалы в период между 1990 годом и его отъездом в

¹² См. сообщение № 106/1998, *Н.П. против Австралии*, Соображения, принятые 6 мая 1999 года, пункт 6.4.

Швейцарию в 1992 году, когда он скрывался в Турции. Дополнительные расследования, проведенные посольством Швейцарии в Турции, показали, что против него не было возбуждено никаких новых разбирательств. Кроме того, хотя следует подчеркнуть, что само существование политического информационного досье, заведенного на заявителя по причине предполагаемой поддержки им оппозиционной группы, является достаточным основанием для того, чтобы опасаться пыток в случае возвращения в Турцию, в данном случае расследования, проведенные посольством Швейцарии в Турции в 2012 и 2015 годах, показали, что никакого политического информационного досье, заведенного на заявителя в связи с его предполагаемой связью с РПК, в Турции не существует, не было обнаружено и никаких связанных с этим данных и ничто не свидетельствует о том, что подобный документ был создан, но впоследствии уничтожен. Имелось, однако, обычное информационное досье, в котором было отражено осуждение автора за убийство. 2 сентября 2015 года Федеральное управление по делам беженцев установило, что экстрадиция заявителя в Турцию не подвергнет его риску применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения даже в свете последних событий в стране.

4.6 Что касается политической деятельности заявителя в Швейцарии, то государство-участник считает, что она не представляет собой серьезного участия в политике и не могла привлечь внимание турецких служб безопасности. Это подтверждается тем фактом, что на заявителя не было заведено политического информационного досье. Кроме того, его жена возвращалась в Турцию несколько раз, и, хотя ей и задавали вопросы о местонахождении заявителя, никакие репрессивные меры в отношении нее не принимались. Турецкие власти объяснили, что, хотя заявитель проживал в Швейцарии с 1992 года, запрос об экстрадиции был сделан в 2011 году, поскольку его точный адрес до тех пор не был известен, хотя ордер на арест был выдан через несколько дней после его побега из тюрьмы. Государство-участник считает это объяснение убедительным и отвергает утверждения заявителя как необоснованные.

4.7 В-третьих, государство-участник утверждает, что осуждение заявителя за убийство А.И. из мести, не было политически мотивировано или явно небезупречно. Оно утверждает, что сын А.И. был признан виновным в убийстве отца заявителя в 1986 году. Швейцарские власти пришли к выводу о том, что, поскольку заявитель не смог подкрепить доказательствами утверждения о своей политической деятельности, он, по их мнению, не преследовался как политический оппозиционер, а был привлечен к ответственности в соответствии с нормами общего права. Суд первой инстанции компетентен заниматься исключительно преступлениями по общему праву. С.И. также было предъявлено обвинение в убийстве, но позднее он был оправдан; если бы разбирательство было политически мотивированным, С.И. был бы тоже признан виновным. Заявитель был осужден на основании статьи 450.10 Уголовного кодекса Турции, которой предусматривается, что убийство из мести карается смертной казнью, но он был приговорен к пожизненному заключению. Если бы он подвергался преследованиям, он получил бы максимальное наказание. Заявитель был представлен несколькими им самим выбранными адвокатами, и его обвинительный приговор был подтвержден Кассационным судом и Верховным судом. Тот факт, что Верховный суд испытывал сомнения относительно вины заявителя, как он сам утверждал, свидетельствует о том, что его дело было рассмотрено беспристрастно. Утверждение заявителя о том, что его осуждение основывалось на показаниях М. против него, которые были получены под пыткой и от которых М. впоследствии отказался, необоснованно. Согласно решению суда первой инстанции, М.И. первоначально признался, что совершил преступление, хотя позднее он заявил, что преступление было совершено заявителем, и впоследствии отказался от своего обвинения. Суд первой инстанции счел, что М.И. отказался от своих показаний, опасаясь возмездия со стороны семьи. Суд ссылался на медицинскую справку, касающуюся М.И., от 20 ноября 1988 года, согласно которой на его теле не было следов пыток. Таким образом, власти Швейцарии по вопросам предоставления убежища сочли, что утверждения заявителя о

том, что он сам, М.И. и С.И. подвергались пыткам, не заслуживают доверия. В решении от 22 июня 2015 года суд первой инстанции установил, что на наказание, наложенное на заявителя, не распространяется срок давности. Кроме того, швейцарские власти, занимающиеся вопросами предоставления убежища, сочли неправдоподобным утверждение заявителя о том, что он работал на хлопковом поле в деревне Суруч, когда был убит А.И., неправдоподобным, поскольку он дал противоречивые показания в ходе собеседований на предмет предоставления убежища. Государство-участник также утверждает, что не было ни одного случая, когда Турция запрашивала бы экстрадицию по обвинению в совершении преступления по общему праву с целью преследования по политическим мотивам.

4.8 Государство-участник отмечает, что вопросы экстрадиции между Швейцарией и Турцией регулируются Европейской конвенцией о выдаче 1957 года, участниками которой они являются. В соответствии с этой Конвенцией стороны обязуются передавать друг другу, при условии соблюдения положений и условий, изложенных в Конвенции, всех лиц, против которых компетентные органы запрашивающей стороны осуществляют преследование за преступление или которые разыскиваются указанными органами для применения наказания или во исполнение ордера на арест (статья 1). Выдача не производится, если правонарушение, в связи с которым она запрашивается, рассматривается запрашиваемой стороной в качестве политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или если запрашиваемая сторона имеет существенные основания полагать, что запрос о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением был сделан с целью судебного преследования или наказания лица по причине его расовой принадлежности, религии, национальности или политических убеждений или что положению данного лица может быть причинен ущерб на основании какой-либо из этих причин (статья 3). Швейцария учитывает свои обязательства по Европейской конвенции о выдаче в свете своих обязательств в области прав человека. В соответствии со статьей 2 Федерального закона о международном сотрудничестве по вопросам выдачи от 20 марта 1981 года Швейцария отклонила бы запрос о выдаче, если бы имелись основания полагать, что процедура в принимающей стороне осуществляется в нарушение требований Европейской конвенции о правах человека или Международного пакта о гражданских и политических правах; направлена на судебное преследование лиц за их политические убеждения или по другим дискриминационным основаниям или рискует усугубить их положение; или имеет другие серьезные недостатки. В тех случаях, когда имеются серьезные основания полагать, что данному лицу будет угрожать опасность подвергнуться жестокому обращению в случае его выдачи, дипломатические заверения позволяют устранить или уменьшить эту опасность путем разрешения выдачи на определенных условиях, как, например, принятие запрашивающим государством обязательства по обеспечению посещения лиц, содержащихся под стражей, без уведомления представителями посольства Швейцарии; предоставлению им неограниченного доступа к адвокатам и медицинской помощи; и обеспечению соблюдения их права на свидания с родственниками. Что касается экстрадиций в Турцию, то государство-участник в принципе не просит предоставлять ему дипломатические заверения, но может сделать это в случае политически чувствительных дел. Оно имеет давнюю практику сотрудничества в вопросах выдачи с Турцией, и Федеральный департамент юстиции не располагает данными о делах, в которых Турция нарушила принцип специализации или права человека. Заявитель не оспаривает это.

4.9 Государство-участник уточняет, что дипломатические заверения, предоставленные Турцией, заключаются в следующем:

Условия содержания под стражей обвиняемого лица не будут бесчеловечными или унижающими достоинство и будут соответствовать требованиям статьи 3 [Европейской конвенции о правах человека]. Будет соблюдаться право данного лица на физическую и психологическую неприкосновенность. Условия содержания под стражей данного лица не

будет усугубляться по причине его принадлежности к определенной социальной группе или по признаку расы, религии или этнической принадлежности. Состоянию здоровья этого лица будет уделяться должное внимание, в том числе путем надлежащего медицинского наблюдения. Это лицо будет иметь право на неограниченный и конфиденциальный контакт со своим адвокатом, выбранным им самим или назначенным. Это лицо будет иметь право на свидания во время содержания под стражей. Турецкие власти не будут осуществлять судебное преследование данного лица по политическим мотивам в связи с его осуждением или налагать наказание по этой причине. Наказание за преступление, связанное с выдачей, не может быть увеличено или быть более суровым, чем первоначально наложенное. Посольство Швейцарии в Анкаре имеет право назначить представителей для посещения этого лица в любое время после экстрадиции, причем без надзора, и это лицо имеет право на неограниченный контакт с такими представителями.

4.10 Государство-участник оспаривает утверждение заявителя о том, что швейцарские власти, занимающиеся вопросами экстрадиции, не приняли во внимание опасность применения пыток, установленную властями, занимающимися вопросами предоставления убежища. Во-первых, в своих решениях от 29 января и 19 февраля 2014 года Федеральное ведомство по вопросам миграции не рассматривало дипломатические заверения, предоставленные Турцией. В ответ на запрос Федерального департамента юстиции относительно того, рискует ли заявитель подвергнуться обращению, нарушающему статью 3 Европейской конвенции о правах человека, Государственный секретариат по вопросам миграции отметил, что заявитель будет заключен в тюрьму для отбытия приговора и что любое жестокое обращение может быть исключено в силу отсутствия отягчающих обстоятельств или политического информационного досье, а также с учетом того, что данное преступление не носило, по существу, политического характера и было совершено несколько десятилетий назад и что турецкие власти предоставили дипломатические заверения. Швейцарские власти смогут контролировать соблюдение заверений в любое время. Власти, занимающиеся вопросами предоставления убежища, не могут полагаться на дипломатические заверения, и поэтому их оценка риска может отличаться от оценки, сделанной органами по вопросам экстрадиции. Экстрадиция автора будет совместима с положениями статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека, несмотря на политические и социальные события, которые происходят в Турции с июля 2015 года и которые никак не связаны с личными обстоятельствами заявителя. В свете этих элементов органы по вопросам экстрадиции не приняли во внимание оценку риска пыток, произведенную органами по вопросам убежища.

4.11 Государство-участник далее утверждает, что проблемы со здоровьем заявителя сами по себе не должны рассматриваться как риск того, что он подвергнется пыткам в случае его экстрадиции. Заявитель не утверждал, что состояние его здоровья не позволяет его экстрадировать. Согласно медицинской справке, выданной психиатрическими службами Бернского университета 3 мая 2016 года, он физически и умственно годен к совершению поездок. Состояние его здоровья следует принимать во внимание при организации экстрадиции.

4.12 Государство-участник отмечает, что заявитель не смог обосновать свое заявление, сделанное органами по вопросам экстрадиции, о том, что он опасается допросов и пыток в связи с арестом его двоюродного брата в марте 2016 года за создание незаконной вооруженной группы и руководство ею. Поэтому Федеральный уголовный суд решил не проводить дополнительных исследований.

4.13 Учитывая вышеизложенное, государство-участник утверждает, что нет никаких серьезных оснований опасаться, что в случае экстрадиции заявителя в Турцию ему будет грозить реальная личная опасность применения пыток. По-

этому его экстрадиция не будет представлять собой нарушение Швейцарией ее международных обязательств по статье 3 Конвенции.

4.14 2 мая 2017 года государство-участник повторило свои предыдущие замечания. Оно добавляет, что последние события в Турции не имеют никакого отношения к делу заявителя, которому грозит экстрадиция за преступление по общему праву без какого-либо политического контекста. Таким образом, последние события никак не влияют на его личные обстоятельства.

4.15 Государство-участник напоминает, что Европейская конвенция о выдаче остается в силе как для Швейцарии, так и для Турции. Поэтому на Турцию распространяется запрет на применение пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Турция никогда не нарушала дипломатические заверения в рамках процедуры экстрадиции. Государство-участник ссылается на случай, когда после попытки государственного переворота в Турции в июле 2016 года запрос об экстрадиции был удовлетворен в отношении одного осужденного, который утверждал, что во время содержания под стражей подвергался пыткам, поскольку он поддерживал борьбу курдов. Органы по вопросам экстрадиции были удовлетворены дипломатическими заверениями Турции. Заинтересованное лицо попросило его экстрадировать, поскольку в Турции существовала возможность освобождения. Государство-участник подчеркивает, что Федеральный уголовный суд дважды выступал против экстрадиции, прося Федеральный департамент юстиции расследовать утверждения данного лица о применении пыток и оценить положение в области прав человека в Турции. В декабре 2016 года Суд санкционировал выдачу. В феврале 2017 года посольство Швейцарии в Турции сообщило, что данное лицо было помещено под домашний арест.

4.16 Государство-участник подчеркивает, что, несмотря на свое давнее сотрудничество с Турцией, все дела рассматриваются в индивидуальном порядке. Дело заявителя было тщательно рассмотрено органами по вопросам убежища и экстрадиции. Государство-участник подчеркивает, что экстрадиция заявителя запрошена на основании его обвинения в совершении преступления по общему праву после его отъезда из Турции в Швейцарию и до его деятельности, связанной с РПК. Швейцарские власти надлежащим образом учли обеспокоенность заявителя по поводу того, что он будет подвергнут обращению, противоречащему Конвенции, в случае его экстрадиции, обратившись к Турции с просьбой предоставить дипломатические заверения, чтобы гарантировать его неприкосновенность и предусмотреть систему контроля.

Комментарии заявителя по поводу замечаний государства-участника

5.1 4 апреля 2017 года заявитель оспорил замечания государства-участника, повторив доводы против его экстрадиции в Турцию. Он настоятельно призывает Комитет учитывать политические и конституционные изменения в Турции, произошедшие после попытки государственного переворота в июле 2016 года и последующего введения чрезвычайного положения и приведшие к более широкому применению пыток, массовых арестов и задержаний лиц, подозреваемых в сотрудничестве с движением Гюлена или поддержке РПК, что имеет последствия для независимости судебных органов. Кроме того, Турция намеревалась приостановить свое участие в Европейской конвенции по правам человека в июле 2016 года. После объявления чрезвычайного положения срок досудебного содержания под стражей был увеличен максимум до 30 дней, а доступ задержанных лиц к адвокату был ограничен, в результате чего исключено эффективное средство недопущения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в период, предшествующий допросам. В условиях чрезвычайного положения гарантии справедливого судебного разбирательства и стандарты в области прав человека будут постоянно снижаться, а все адвокаты будут

назначаться правительством¹³. В этих условиях существует опасность того, что заявитель не будет иметь доступа к независимому адвокату.

5.2 Заявитель подчеркивает, что ситуация изменилась с тех пор, как турецкие власти предоставили дипломатические заверения в 2012 году, что требует новой оценки верховенства закона в Турции, а также ценности и надежности дипломатических заверений. Государство-участник само признало, что положение в области прав человека в Турции вызывает тревогу. В свете этих событий европейские страны, такие как Германия, Италия и Греция, прекратили экстрадиции в Турцию, независимо от предоставленных дипломатических заверений, а турецкие дипломаты ищут убежища в Швейцарии. В декабре 2016 года государства – члены Европейского союза просили, чтобы переговоры о членстве были заморожены из-за посягательств на верховенство права в Турции.

5.3 Заявитель ссылается на несколько газетных статей и международных докладов, в которых описывается шпионаж за турецкими гражданами в Швейцарии и других европейских странах. Заявитель вновь утверждает, что это свидетельствует о том, что турецким властям известно о его политической деятельности за рубежом и о его связи с РПК, и объясняет, почему его экстрадиция была запрошена спустя много лет после вынесения ему обвинительного приговора. Он напоминает, что швейцарская пресса подробно освещала дело заявителя и решение Федерального уголовного суда, в частности то, что он имел контакты с высокопоставленными членами РПК в качестве их водителя. Президенту Турции было, вероятно, сообщено, что он участвовал в демонстрациях против турецкого правительства.

5.4 Заявитель добавляет, что он по-прежнему находится под стражей и что у него серьезные психологические проблемы. После еще одной попытки самоубийства он был помещен в госпиталь, откуда он был выписан в апреле 2017 года. Его страх перед экстрадицией причиняет страдание, которое само по себе представляет собой пытку.

5.5 2 мая 2017 года адвокат заявителя сообщил, что заявитель был госпитализирован в психиатрическую клинику на высокогорном курорте «Этуан» в Берне после попытки подготовки к самоубийству. Во время его посещения адвокат заметил на его теле две татуировки: 15-сантиметровый православный крест на спине и 10-сантиметровую надпись «Fuck Erdogan» на левой руке. Заявитель поясняет, что он сделал татуировку в 2013 году и что православный крест отражает его армянские и христианские корни. Он подчеркивает, что его ходатайство о предоставлении убежища не имеет отношения к религии и что он никогда не показывал эти татуировки своей семье, что свидетельствует о том, что он не использовал их в качестве аргумента против своей экстрадиции. Однако медицинские работники, вероятно, видели эти татуировки, и они должны были задокументировать их в материалах обследования, проведенного ими в соответствии со Стамбульским протоколом. Поэтому государству-участнику следует знать о его татуировках, которые создают для него дополнительную опасность применения пыток. Адвокат повторяет, что ему так и не была предоставлена копия результатов обследования, несмотря на его просьбы.

5.6 Адвокат добавляет, что ситуация в Турции ухудшилась после проведенного 16 апреля 2017 года референдума, в результате которого были одобрены поправки к Конституции, концентрирующие, по его словам, власть в руках Президента и имеющие серьезные последствия для системы сдержек и противовесов и для независимости судебных органов. Президент объявил о том, что смертная казнь будет восстановлена, и приказал арестовать свыше тысячи сотрудников полиции по всей стране на волне новых репрессий. По словам адвоката, Президент намерен создать полицейские силы, состоящие исключительно

¹³ Внимание обращается на доклад Комитета по правовым вопросам и правам человека Парламентской ассамблеи Совета Европы «Обеспечение доступа задержанных к адвокатам», док. 14267, 15 февраля 2017 года.

из его сторонников. Эта ситуация, в сочетании с татуировками заявителя и его связью с РПК, повышает риск того, что он подвергнется пыткам в случае его экстрадиции в Турцию, например со стороны сотрудников полиции, и даже до того, как он будет передан тюремным властям. В этих обстоятельствах дипломатические заверения будут неэффективными.

Дополнительные представления сторон

Автор сообщения

6. 19 июня 2017 года адвокат заявителя обратился к Комитету с просьбой принять временные меры, которые позволили бы освободить заявителя из-под стражи, – если необходимо, при условиях, которые позволили бы компетентным органам проверить его местонахождение.

7. 29 июня 2017 года государство-участник сообщило, что заявитель покинул психиатрическую клинику, куда он был госпитализирован 10 мая, и что в настоящее время он находится под стражей в тюрьме Бургдорфа. Государство-участник просило Комитет как можно скорее принять решение по этому делу.

8.1. 2 августа 2017 года государство-участник информировало Комитет об условиях содержания заявителя под стражей. После выписки из психиатрической клиники он был помещен на несколько дней в камеру строгого режима в тюрьме Бургдорфа, используемую в случаях риска самоубийства. В настоящее время он находится в той части тюрьмы, которая позволяет проводить тщательное последующее наблюдение и контроль, и к нему применяется режим исполнения наказаний, являющийся менее строгим и по сравнению с режимом превентивного заключения, который применялся к нему ранее. Государство-участник выступает против просьбы адвоката, касающейся принятия временных мер в форме освобождения из-под стражи, с учетом повышенного риска побега.

8.2 Государство-участник также ссылается на полученную от посольства Турции в Швейцарии записку, согласно которой срок давности для исполнения приговора заявителя истечет не позднее 6 июля 2020 года. В этой записке Турция также утверждает, что время, проведенное заявителем в заключении в Швейцарии, будет вычтено из срока его тюремного заключения в Турции. В ней также отмечается, что, если того потребует состояние здоровья заявителя, он будет переведен в университетскую клинику или государственную больницу.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет должен решить, является ли оно приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованием пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

9.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких сообщений от какого-либо лица, если не убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном деле государство-участник признало, что заявитель исчерпал все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. При отсутствии других препятствий для признания сообщения приемлемым Комитет признает его приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

10.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему заинтересованными сторонами.

10.2 В связи с утверждением заявителя по статье 3 Конвенции Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае его возвращения в Турцию. При оценке этой опасности Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит¹⁴. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу, должны быть приведены дополнительные основания. Верно и обратное: отсутствие вопиющих и систематических нарушений прав человека не означает, что тому или иному лицу в его конкретной ситуации не угрожает применение пыток.

10.3 Комитет напоминает свое замечание общего порядка № 1, согласно которому опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях, выходящих за рамки умозрительных построений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, риск должен быть личным и реальным. Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему либо ей грозит предсказуемая, реальная и личная опасность¹⁵. Комитет далее напоминает, что в соответствии с положениями замечания общего порядка № 1 он будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника¹⁶, но при этом не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу.

10.4 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что имеется предсказуемая, реальная и личная опасность того, что он будет подвергнут пыткам в случае его экстрадиции в Турцию, так как он в прошлом уже подвергался пыткам во время содержания под стражей по обвинению в убийстве, и что его осуждение в 1989 году основывалось на показаниях, полученных по принуждению; что запрос об экстрадиции политически мотивирован вследствие его курдского происхождения и активной поддержки РПК его семьей; что его политическая принадлежность известна турецким властям; что турецкие власти обратилось с запросом о его экстрадиции лишь более чем через 20 лет после его осуждения, хотя им было известно о его местонахождении в 1992 году; что трое его родственников в Турции привлечены к уголовной ответственности за поддержку РПК; и что членов его семьи расспрашивали о его местонахождении при посещении ими Турции. Комитет также отмечает утверждение

¹⁴ См., в частности, сообщение № 470/2011, *X. против Швейцарии*, решение, принятое 24 ноября 2014 года, пункт 7.2.

¹⁵ См., в частности, сообщения № 203/2002, *A.P. против Нидерландов*, решение, принятое 14 ноября 2003 года; и № 258/2004, *Дадар против Канады*, решение, принятое 23 ноября 2005 года.

¹⁶ См., в частности, сообщение № 356/2008, *H.C. против Швейцарии*, решение, принятое 6 мая 2010 года, пункт 7.3.

заявителя о том, что риск применения пыток увеличится, поскольку он совершил побег из тюрьмы в Турции и имеет татуировки в виде христианского креста и надписи «Fuck Erdogan». Комитет далее отмечает, что заявителю был поставлен диагноз посттравматического стрессового расстройства и что он пытался покончить жизнь самоубийством, находясь под стражей в ожидании экстрадиции. Он отмечает, что, согласно психиатрическому обследованию, проведенному в 2015 году, его экстрадиция почти наверняка приведет к повторному психологическому травмированию.

10.5 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его органы по вопросам экстрадиции пришли к выводу, что заявления автора сообщения не вызывают доверия. В этой связи государство-участник утверждает, что в медицинских заключениях с момента его осуждения не упоминаются следы пыток; что заключения психиатра, устанавливающие причинно-следственную связь между его пытками и посттравматическим стрессовым расстройством, основываются главным образом на собственных заявлениях автора; что заявитель не утверждал, что подвергался пыткам после вынесения приговора; что представляется маловероятным, что его брат С.И. согласился бы оставаться в тюрьме вместо него, если бы он подвергался пыткам, как утверждает заявитель; и что имеются противоречия в утверждениях заявителя, касающихся его политической деятельности в Турции и Швейцарии.

10.6 Комитет ссылается на рассмотрение им четвертого периодического доклада, представленного Турцией, в ходе которого он выразил серьезную обеспокоенность в связи с многочисленными сообщениями о том, что сотрудники правоохранительных органов применяют пытки и жестокое обращение в отношении задержанных лиц на фоне борьбы с предполагаемыми угрозами безопасности в контексте повстанческой деятельности, осуществляемой РПК с 2015 года, и в связи с сообщениями о безнаказанности, которой пользуются исполнители таких актов¹⁷, особенно в условиях отсутствия независимого государственного органа для расследования жалоб на применение пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов¹⁸. С учетом обстоятельств данного дела Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что Турция предоставила дипломатические заверения в поддержку запроса об экстрадиции, что представители швейцарских властей в Турции смогут следить за их соблюдением и что Турция, как одна из стран – участников Европейской конвенции о выдаче, никогда не нарушала своих дипломатических заверений. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что дипломатические заверения не являются достаточными и надежными для устранения опасности применения пыток в его случае из-за политической мотивированности запроса об экстрадиции; что применение пыток в местах лишения свободы по-прежнему широко распространено в Турции; что трудно проконтролировать соблюдение дипломатических заверений, поскольку заявитель, согласно утверждениям, не имел права на помощь адвоката до вынесения ему обвинительного приговора; что швейцарские власти не отрицают, что заявителю грозит преследование после его освобождения; и что существует повышенная опасность того, что он будет задержан и подвергнут пыткам со стороны сотрудников секретных служб, прежде чем он будет передан тюремным властям, из-за его связи с высокопоставленными членами РПК в Швейцарии. Комитет принимает к сведению заявление, не оспоренное государством-участником, о том, что заверения были предоставлены Турцией только после трех безрезультатных попыток, что свидетельствует о нежелании Турции соблюдать их; и что положение в области прав человека в Турции значительно ухудшилось с тех пор, как эти заверения были предоставлены в 2012 году, особенно в свете выборов 2015 года и повстанческой деятельности, осуществляе-

¹⁷ См. CAT/C/TUR/CO/4, пункт 11.

¹⁸ Там же, пункт 9. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу неудовлетворительного медицинского обслуживания в пенитенциарных учреждениях (пункт 31).

мой РПК, попытки государственного переворота и введения чрезвычайного положения в 2016 году, последующих крупномасштабных арестов, задержаний и увольнений лиц, подозреваемых в подрывной деятельности, и внесенных в 2017 году поправок к Конституции.

10.7 Комитет отмечает отсутствие возражений против того, что органами государства-участника по вопросам предоставления убежища был сделан вывод о том, что принудительное возвращение заявителя подвергнет его опасности применения пыток. Однако государство-участник утверждает, что дипломатические заверения, данные Турцией, исключают любую такую опасность. Комитет далее отмечает, что медицинские заключения свидетельствуют о том, что заявитель страдает посттравматическим стрессовым расстройством в результате пыток, которым он подвергся, и что он пытался покончить жизнь самоубийством после того, как государство-участник согласилось на его экстрадицию. На основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет приходит к выводу о том, что с учетом обстоятельств данного дела дипломатические заверения не могут устранить существующие серьезные основания полагать, что экстрадиция заявителя в Турцию поставит его под угрозу подвергнуться пыткам в нарушение статьи 3 Конвенции.

11. В свете вышеизложенного Комитет, действуя на основании положений пункта 7 статьи 22 Конвенции, считает, что государство-участник обязано в соответствии со статьей 3 Конвенции воздержаться от экстрадиции заявителя в Турцию или любую другую страну, где ему угрожает реальная опасность быть возвращенным в Турцию.

12. Согласно пункту 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения проинформировать его о мерах, принятых в связи с вышеизложенными замечаниями.